

МЕЖЖАНРОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИУТОПИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

П. Д. Шидловец

*Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина
Мозырь, Беларусь
E-mail: necrowomant@gmail.com*

В данной статье рассматривается использование элементов антиутопии в литературных произведениях, которые не относятся к антиутопическому жанру. Анализируются механизмы заимствования и трансформации этих элементов, их влияние на сюжетную структуру, идейное содержание и восприятие текста. Особое внимание уделяется функциям антиутопических мотивов в рамках фантастики, социальной сатиры и других жанровых систем.

Ключевые слова: антиутопия, литература, интертекстуальность, антиутопические элементы, фантастика, постапокалиптика, сатира.

Вопрос о жанровых границах антиутопии остается дискуссионным, так как они крайне изменчивы. Данный жанр обладает выраженной социальной направленностью, поскольку он строится на критическом осмыслении общественных процессов посредством сатирического дискурса, системной деконструкции и гиперболизации социальных явлений. Антиутопии после 50-х годов XX века стали неотъемлемой частью массовой культуры, социокультурной жизни и обыденного сознания. Примечательно, что антиутопические элементы присутствуют в других литературных произведениях, которые были написаны как до становления антиутопического жанра, так и после. Цель исследования заключается в анализе доминирующих антиутопических элементов в литературе и выявлении отражаемых ими социокультурных тенденций.

Антиутопические элементы прослеживались еще в античной литературе, например, в труде Аристофана «Женщины в народном собрании», высмеивалась общественная структура афинской демократии и критиковалось «Государство» Платона. Антиутопию в таком ключе можно рассматривать как сатирическую инверсию политической реальности [5, с. 291]. Несмотря на это, большинство исследователей датируют формирование утопического и антиутопического жанров эпохой Нового времени. Примечательно, что одним из первых произведений, содержащих элементы антиутопии, считается «Левиафан» Томаса Гоббса (1651). Название книги представлено именем библейского чудовища, изображённого как сила природы, принижающая че-

ловека. Гоббс использует этот образ для описания могущественного мрачного государства («смертного бога») [6, с. 53].

В западной академической традиции принято считать, что первым антиутопическим произведением стал латиноязычный роман Джозефа Холла «Mundus alter et idem» (1605), изданный анонимно. Формально следуя канонам утопического жанра через описание морского путешествия в далекую страну, текст содержал острую сатирическую критику английской действительности того времени. Данное произведение оказало существенное влияние на формирование литературной антиутопической традиции, в частности, опередив «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта (1726). Примечательно, что заключительная часть свифтовского произведения, посвящённая стране разумных лошадей – гуигнгнмов, может быть признана как утопией, так и антиутопией. Как отмечал Джордж Оруэлл, данное общество представляет собой систему тотального социального и морального порабощения. Некоторые литературоведы считают, что образ гуигнгнмов осуществляет пародийную деконструкцию идеалов англиканской морали и философии Просвещения [7, с. 67-68].

Следует отметить, что антиутопия как жанр характеризуется принципиально негативной ориентацией. В отличие от утопии, акцентирующей внимание на надежду и лучшее будущее, антиутопический дискурс сосредоточен на катастрофическом видении перспектив общественного развития. Такое мировоззрение неизбежно определяет специфику используемых авторами художественных средств. Как отмечает Томас Мойлан, несмотря на значительное жанровое разнообразие антиутопических произведений (от «Железной пяты» Джека Лондона и «Войны с саламандрами» Карела Чапека до «Любви среди руин» Ивлины Во и «Приглашения на казнь» Владимира Набокова), все они формировались «на периферии реалистического и модернистского литературного мейнстрима» [1, с. 121].

Феномен негативации присутствует во многих произведениях драматической литературы, однако его природа существенно отличается от антиутопического дискурса. Если авторы антиутопий объясняют свою негативную позицию через неопределённое и пугающее видение будущего и рефлексию на глобальное общество, то другие драматические произведения демонстрируют иную масштабность проблематики. Их социальная критика локализована на микроуровне – будь то отдельная страта, семейная структура или межличностный конфликт. Несмотря на то, что персонажи в драматической художественной литературе репрезентируют общество, они не выполняют функции системного анализа социума в целом. Как пример, можно рассмотреть шекспировскую трагедию «Ромео и Джульетта», где источник кон-

фликта ограничен антагонизмом двух кланов, а не глобальными общественными институтами.

Борис Ланин в своем исследовании рассмотрел жанровые границы антиутопической литературы, которые определили дальнейшую конкретизацию жанра. Антиутопическая литература спорит с утопией либо утопическим замыслом [3, с. 154]. Явление противостояния смежных литературных жанров довольно распространено, поскольку часто похожие жанры рассматривают разные концепции. К примеру, в хронотопической научной фантастике опровергаются различные аспекты других поджанров научной фантастики, а одни произведения оспаривают другие, поскольку отсутствие жестких жанровых канонов создает пространство для постоянной межтекстовой полемики [2]. Не стоит забывать, что антиутопические элементы часто прослеживаются в научной фантастике, как в романе Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах», где государственная компания по изготовлению андроидов применила жесткую политику в отношении андроидов-девиантов.

Основой структуры или стержнем антиутопии Ланин считает псевдокарнавал [3, с. 154-155]. Говоря об описанной М.М. Бахтиным карнавальной культуре, в основу которой заложен амбивалентный смех, в тоталитарных антиутопических мирах псевдокарнавал порожден абсолютным страхом. Страх создает особую атмосферу и саспенс – ритм антиутопического существования определяется чередованием паники и временного облегчения, наступающего после разоблачения очередных «врагов системы». При этом страх теряет экзистенциальный характер, будучи искусственно перенаправленным на внешних и внутренних «предателей великой цели». Такой механизм позволяет тоталитарной системе поддерживать постоянный контроль над обществом. Говоря о страхе, как об элементе антиутопии, нельзя не упомянуть военную литературу, где страх является движущей силой и инструментом развития сюжета. Однако в военной прозе этот элемент проявляется иначе – например, в «Прощании с оружием» Хемингуэя, где война создает перманентную атмосферу абсурда: солдаты пьют вино и поют песни перед атакой, а командиры отдают бессмысленные приказы, маскируя хаос под порядок.

Театрализация в антиутопии является скорее заимствованным, нежели самобытным элементом, поскольку театр является важной составляющей любого литературного произведения. Показательные «спектакли» в антиутопиях завершаются возведением на символический престол «шутовского короля», и часто в центре этого действия оказывается главный герой, например, Перец, ставший Директором Управления в романе братьев Стругацких «Улитка на склоне» [3, с.

155]. Помимо театрализации, в антиутопии можно встретить элемент аттракциона – яркого эпизода или образа, который призван шокировать читателей и провоцировать сюжет. В романах, как правило, подчеркнута эксцентричность главного героя, который живет по законам этого аттракциона, следовать которым он не хочет. Это позволяет создать психологический конфликт, в полной степени раскрывающий потаенные глубины персонажа [3, с. 156]. Помимо антиутопии, аттракционы встречаются в приключенческой литературе, где герою грозит опасность, например в романе «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона аттракционом является сцена в бочке с яблоками, где Джим Хокинс подслушивает заговор пиратов.

Антиутопии характерна ритуализация жизни, которая программирует личность таким образом, чтобы лишить ее спонтанности в поведении. Сюжетный конфликт в антиутопии наступает, когда личность отказывается от роли в ритуале и настаивает на своем собственном пути [3, с. 157]. Изначально такой элемент антиутопия заимствует из готических романов, к примеру, в «Замке Отранто» Хораса Уолпола церемонии носят ритуальный характер.

Важную роль в антиутопических романах Ланин отдавал сексуальности, поскольку она часто становится последней формой сопротивления против системы. В условиях, когда все аспекты человеческой жизни подвергаются жесткому контролю, именно сексуальная сфера часто становится пространством для проявления индивидуальной свободы и личностного самовыражения. Такую же функцию сексуальности отмечал Станислав Лем в «Фантастике и футурологии» [3, с. 157], [4, с. 259]. Подобная трактовка встречается также в экзистенциальной литературе (например, в «Постороннем» Камю) и психологической прозе («Лолита» Набокова).

Из предыдущего антиутопического элемента проистекает антропоцентричность. Центральное противостояние в антиутопии строится на столкновении индивидуальности с тоталитарным обществом. В таких условиях единственная и последняя форма самовыражения – это вышеупомянутая сексуальность. Как отмечает Б. Ланин, антиутопия демонстрирует парадокс «развращённой целомудренности» – режим стремится отделить секс от удовольствия, превратив его в механический акт [3, с. 158]. Подобная проблематика находит отражение и в других литературных направлениях: политической сатире, где механизмы контроля над частной жизнью доведены до абсурда, и в экзистенциальной прозе, исследующей границы личной свободы. Однако именно в антиутопии этот конфликт приобретает наиболее системный и концептуально оформленный характер, становясь структурной основой жанра.

В антиутопии часто используются элементы аллегории и персонификации, так как они позволяют легко создавать сатирические и карикатурные образы. Поэтика антиутопии во многом схожа с басенной аллегорией и сатирическими памфлетами, например, с «Баснями» Крылова, где животные олицетворяют различные человеческие черты. Порой писатели применяют такие аллегории в масштабных произведениях. Яркие примеры – «Скотный двор» Дж. Оруэлла, «Планета обезьян» П. Буля, «Роковые яйца» М. Булгакова и повесть Ф. Искандера «Кролики и удавы» [3, с. 159].

Таким образом, антиутопические элементы являются важной составляющей литературного наследия, пронизывая различные эпохи и жанры – от античной сатиры до современной научной фантастики. Эти элементы не просто отражают социальные страхи своего времени, но и формируют мощный инструмент критического осмысления политических систем и человеческой природы. Особую значимость антиутопическая традиция приобретает в наше время, когда вопросы контроля, манипуляции сознанием и защиты индивидуальной свободы становятся как никогда актуальными. Анализ этих элементов позволяет не только глубже понять литературные процессы, но и выявить ключевые социокультурные тенденции, продолжающие влиять на общественное сознание.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антиутопия: [арх. 19 октября 2022] // Анкилоз – Банка. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – С. 58. – (Большая российская энциклопедия: [в 35 т.] / гл. ред. Ю. С. Осипов; 2004 – 2017, т. 2).
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: Сб. — М.: Худ. лит., 1975. – С. 234 – 407.
3. Ланин, Б.А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 154 163.
4. Лем, С. Фантастика и футурология: в 2 книгах [2-е изд., 1972] / Пер. с пол. Е.П. Вайсброта под ред. В. И. Борисова. – М.: АСТ, Ермак, 2004. – Кн. 2. – С. 240 – 296. – 667 с.
5. Claeys G. Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 556 p.
6. Moylan T. Scraps of the untainted sky: science fiction, utopia, dystopia. – Boulder, Colorado: Westview Press, 2000. – 386 p. – (Cultural Studies Series).
7. The Cambridge Companion to Utopian Literature / Ed. by Claeys G. – Cambridge University Press, 2010. – 316 p.

INTER-GENRE USAGE OF DYSTOPIAN ELEMENTS

P. D. Shidlovets

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin

Mozyr, The Republic of Belarus
E-mail: necrowomant@gmail.com

The article examines the use of dystopian elements in literary works that do not belong to the dystopian genre. The mechanisms of borrowing and transformation of these elements, their influence on the plot structure, ideological content and perception of the text are analyzed. Special attention is paid to the functions of dystopian motifs in the framework of fiction, social satire and other genre systems.

Keywords: dystopia, literature, intertextuality, dystopian elements, fiction, post-apocalypticism, satire.